

2 ФЕВРАЛЯ в Театре имени Ермоловой спектакля нет. В этот день полвека назад был казнен Всеволод Эмильевич Мейерхольд. В том же 1940-м — была похоронена в ящике письменного стола рукопись романа о Мастере... Имя булгаковского героя стало синонимом художественного прозрения, рыбка к «самой сути»... Мастером называли Мейерхольда ученики. Называли, еще и не подозревая о том, что где-то рядом, в той же Богом покинутой Москве 30-х, пишется величайший роман XX века.

Очевидно, неизбежен вопрос: почему о Мейерхольде — в Театре имени Ермоловой? С 1932 по 1938 год в этих стенах

единицам. Это уж либо есть, либо нет. Что делать, скажем, нынешним молодым режиссерам?

— Дерзить. Крушить. Должен быть бунт — внутренний, разумеется. А у них — вялые глаза. Я понимаю, есть объективные причины — потеряна вера. Это страшно. И это тяжело сегодня не только для режиссеров. Но театр тем и хорош, что способен создать на сцене целостный мир. Заполнить вакуум (вновь напоминая о «Даме с камелиями»). Форма Мейерхольда неповторима. Но мы потеряли свет театра. Одержимость театром. Вкус к лицедейству.

— Режиссура Мейерхольда поражала не-

дуг «одежды Мейерхольда». Но примерять их необходимо. Я не о таланте сейчас, талант — это от Бога...

-2 ФЕВРАЛЯ... Что будет в этот день в Ермоловском театре?

— Почему мы хотим... обязаны отметить эту дату? День смерти Мейерхольда никогда не отмечался. Отмечался день рождения...

— И именно Ермоловским театром — юбилейный вечер, в котором участвовали Плутчек, Любимов, Гердт, выступили представители нынешнего авангарда, показывало телевидение...

— Но ни разу не было гражданской панихиды. Это аморально. В этом — какая-то стыдливость в отношении к прошлому, какая-то, на мой взгляд, наша общественная несостоятельность. Неуместная недоговоренность... Ее надо ликвидировать. Только тогда можно говорить о восстановлении гражданских прав. У человека есть дата рождения и дата смерти. И помнить надо обе. Вечер начнется на улице Неждановой, у дома, где жил Всеволод Эмильевич. Тут не будет какого-то митинга, просто люди, которым дорого это имя, принесут сюда цветы. А таких людей много — я в это верю. Этот дом — единственный адрес Мейерхольда в Москве. Здесь через несколько дней после его ареста при невыясненных обстоятельствах была убита Зинаида Николаевна Райх, жена Мейерхольда, замечательная артистка...

— Больше полувек прошло, были статьи Константина Рудницкого в «Театральной жизни» — а обстоятельства по-прежнему невыясненные...

— Это от нашей комиссии не зависит. Мы можем лишь требовать, напоминать. И своим первоочередным делом мы считаем создание в этой квартире музея. Здесь дело сдвинулось с мертвой точки.

— Если вернуться ко второму февралю... Что будет после встречи на улице Неждановой?

— Будет вечер в Театре имени Ермоловой, в последнем доме ГОСТИМа. Здесь уже два сезона в фойе развернута выставка, посвященная последним годам мейерхольдовского театра.

— Эту выставку стоит видеть. Действительно, очень скромная по размерам. Но экспонаты ошарашивают и не нуждаются в комментариях. Афиши, фотографии сцен из спектаклей, портреты Мастера. Театральные будни. И эта жуткая статья Керженцева «Чужой театр» — ее можно прочитать здесь, эту вырезку из «Правды» от 17 декабря 1937 г. Статья, похожая на команду «фас!» и мгновенная реакция — на соседнем стенде теснятся, соревнуясь в хуле, письма «возмущенных зрителей». И последний экспонат — справка Военной Коллегии Верховного Суда СССР от 30/XI-1955 г. об «отмене приговора Военной Коллегии от 1/II-40 г. и прекращении дела за отсутствием состава преступления».

— На вечер мы пригласили видных деятелей нашей культуры и общественной мысли: академика Лихачева, ректора историко-архивного института Афанасьева, главного редактора «Московских новостей» Яковлева, артистов Ульянова, Гердта... Никакой «художественной части» не будет — будут воспоминания, размышления о судьбе советской культуры. Козаков, Юрский и Сметхов прочитают последние документы из жизни Мастера...

— А как пройдет 10 февраля, день рождения Мейерхольда? Две эти даты оказались рядом...

— Да, это будет целая «Мейерхольдовская неделя». 2-го — вечер в Москве, 10-го — в Пензе, на родине Мейерхольда, где недавно был открыт музей. Между этими двумя датами в помещении бывшей студии на Бородинской в Ленинграде пройдет мини-фестиваль театральных студий.

Вообще, пора начать воспринимать Мейерхольда без налета сенсационности. Заняться, наконец, его творческим наследием — и не только теоретически. Нужен мейерхольдовский музей — как некий культурный центр мирового значения. Ибо имя Мейерхольда вызывает огромный интерес за рубежом. Музей стал бы местом, куда могли бы приходить молодые режиссеры, которые мечтают попробовать что-то новое в древнем искусстве театра.

Майя КАРАПЕТАН.

ДЕРЗКИЙ ГЕНИЙ

Моск. комсомолец - 1990. - 30 суб

Валерий ФОКИН о МЕЙЕРХОЛЬДЕ

(ул. Горького, 5) работал ГОСТИМ — Государственный театр имени Вс. Мейерхольда.

Сегодняшний гость «МК» — главный режиссер Театра им. Ермоловой, секретарь правления СТА РСФСР, председатель комиссии по творческому наследию В. Э. Мейерхольда, Валерий Фокин.

— Валерий Владимирович, вы поднимаетесь на подмости, на которые взбегал Мастер. Это как-то ощущается?

— Работа в этом здании привлекает силы. Сейчас время переломное — рушатся стереотипы, прежние отношения, привычное мышление. Это мучительное время, и, думаю, мы еще не подошли к его пику, мы где-то на подходе. И, наверное, именно люди искусства, как более ранние (хотя бы в силу профессии), переживают этот период особенно тяжело. Память о том, что здесь работал этот грандиозный человек, помогает. Помогает не сдаваться, когда пытаешься что-то сделать сегодня... как-то ясно представить себе будущее Ермоловского театра и хоть немного приблизить реальность к этому представлению, к своему ощущению завтрашнего.

— Вы имеете в виду идею будущего театрально-культурного центра? Но как это связано с Мейерхольдом?

— Он мечтал о новой сцене. Молодые тогда архитекторы Сергей Вахтангов и Михаил Бархин строили для него принципиально новое театральное здание...

— Нынешний зал Чайковского...

— Задумано было другое. Это уже позднее, после закрытия ГОСТИМа и ареста Мейерхольда, зал принял такой вид. А Всеволод Эмильевич мечтал себя освободить, уйти от «коробки», не привязываться к заданному объему. Мечтал о свободе пространства... Когда мы, думая сегодня о будущем центре, включаем в проект 3 сцены разных размеров — это тоже попытка освободить себя. Разные сценические площадки — это разные возможности общения со зрителем...

— Но не слишком ли это узкое понимание значения Мейерхольда для сегодняшнего дня?

— Разумеется. Это лишь один, частный пример — хотя и очень существенный, профессионалы меня поймут. Я думаю, главный завет Мейерхольда — не стоять на коленях ни перед каким авторитетом. Раньше мы со сцены поклонялись вымышленным идолам. Сегодня от них остались одни осколки. На подмостки пришла публицистика, проблемы проституции, наркомании, и не раздевается сегодня на сцене, по остроумному замечанию критика Смелянского, только ленивый... Но ведь это тоже несвобода. Надо при любых временах и веяниях моды оставаться самим собой. Мейерхольд это поразительно умел — отдаться буйству театра и быть искренним. Он никогда не следил за театральной модой, вечно не вписывался в рамки обычных представлений. Вот вам один лишь пример. 1934 год. Спортивные праздники. Дирижабли. Военные марши...

— «И вместо сердца — пламенный мотор»...

— Такой навязывался идеал. А Мейерхольд ставит «Даму с камелиями». Сооружает на сцене изысканные парижские интерьеры, в которых разыгрывается... история любви французской куртизанки прошлого века! Но любовь — всегда любовь. И люди, чьи личные чувства давились Государством, люди, которым вдалбливались постыдность, ненужность, а то и опасная мелкобуржуазность всего личного, валом повалили на этот «несвоевременный» спектакль... В этом — как и во всех других случаях — была его гениальная пронзительность.

— Но так чувствовать время дано лишь

истощимостью фантазии. Каждый новый спектакль — «Великодушный рогоносца», «Озеро Люль», «Лес», «Ревизор», «Горю уму» — да каждый! — рождал новое направление в театре. Почему тогда, в душевные годы, — такое буйство театральности, а сегодня, в пору гласности и эстетического плюрализма, театр словно растерялся?

2 февраля сего года состоится траурная акция, посвященная памяти великого режиссера и всех деятелей культуры, павших жертвами репрессий: в 18.00 начнется возложение цветов к мемориальной доске, установленной на доме, где жил Всеволод Мейерхольд (ул. Неждановой, 12).

СТД РСФСР,
Театр им. Ермоловой,
«Мемориал».

— Думаю, не надо впрямую соотносить времена. Действительно, 30-е годы — душевное время. Но не надо забывать — книг было мало, телевидения не было. Кино только рождалось. Что оставалось? Цирк, театр. Тогда тянулись к театру. А сегодня трудно предложить зрителям более увлекательное, драматичное и касающееся буквально каждого зрителя, чем трансляция заседаний Верховного Совета... И потом, нам трудно сейчас представить себе атмосферу вокруг того же ГОСТИМа.

— Остались рецензии.

— Да, рецензии остались. И уже по ним видно: на каждом спектакле Мейерхольда зал раскалывался надвое. Меня это всегда поражало. Мастер словно программировал реакцию публики, заранее готовил провокацию для своих врагов — знал, что их выведет из себя. Зачем он это делал? Ради атмосферы скандала? Не думаю. Он не боялся быть самим собой. Дерзость, нахальство, бунтарство. Смелости нам сегодня не хватает. Я повторяю, но смелость не в том, чтобы раздеваться на сцене и говорить все, что угодно. Смелость — это вести себя соответственно своему уму и совести.

Мейерхольд это умел. Даже в самый мрачный период своей жизни он сумел отказаться от физически вырванных у него показаний.

— Опубликованное год назад в «Советской культуре» письмо Мейерхольда к Молотову из тюрьмы подействовало на всех как шок...

— Он сумел даже там — мы и представить-то эти обстоятельства можем с трудом — остаться собой... Эти качества надо пытаться примерять. Нам велики бу-